

А.Н.Кожановский

Валенсийские «областники» против «каталонских империалистов»

Каталаноязычное население испанского региона Валенсия в нашей научной и общественно-политической литературе обычно рассматривается как часть единого каталонского народа-этноса. Данные, которые приводит автор, не согласуются с такой трактовкой ситуации, но подтверждают доминирование на территории Испании, включая Валенсию, областнической традиции в осмыслении историко-культурного и языкового многообразия ее обитателей.

Ключевые слова: Испания, нация, валенсийцы, каталонцы, народ-этнос, региональное сообщество, самосознание.

Тема, которая рассматривается в статье, на наш взгляд интересна и актуальна сразу в нескольких аспектах. Она дает любопытный материал для лучшего понимания, во-первых, политической жизни в Испании XX—XXI вв. и, в частности, тех ее сфер, которым в нашей исследовательской литературе обычно уделяется мало внимания, при том, что во внутриспанском контексте их значение весьма велико. Во-вторых, сущности того обширного комплекса явлений, событий, отношений, тенденций и прочего, который у нас традиционно именуется «национальным вопросом в Испании», а также путей его решения там. В-третьих, того, каким образом испанское общество осмысливает богатое историко-культурное и языковое многообразие населения своей страны и как это многообразие отражается на структуре и функционировании общества. В-четвертых, того, какова все же природа таких явлений, как «национализм» и «этничность», насколько она универсальна в пределах ойкумены и насколько точны и адекватны наши представления о других странах с точки зрения этнического состава их населения и тамошних вариантов «национального вопроса».

Но прежде всего необходимо обозначить контуры рассматриваемой ситуации. Согласно главенствующей в отечественной научной и общественно-политической литературе точке зрения, Испания являет собой яркий

Александр Николаевич Кожановский — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (av151019@comtv.ru).

пример многонационального (многоэтничного) государства, где доминирующее положение исторически занимает испанский (собственно испанский) народ-этнос, а прочие коренные народы-этноты (баски, каталонцы и галисийцы) находятся на положении национальных меньшинств, столетиями борясь против неравноправия и насильственной ассимиляции, за сохранение своей специфики и политическое самоуправление на территориях своего проживания. Наибольшей степени национальное угнетение достигло в условиях сорокалетней франкистской диктатуры, но после ее крушения в конце 1970-х годов в ходе радикальных трансформаций страна была преобразована на либерально-демократических началах. Одним из основных направлений «перестройки» стала массивированная децентрализация государственного механизма с передачей значительного объема властных полномочий в ведение избираемых органов местного самоуправления. Важнейшей составляющей этого процесса стало создание территориальных автономных образований — так называемых «автономных сообществ», наделенных широкими правами в решении внутренних дел. При этом вопрос о том, какие именно автономные сообщества будут созданы и какие провинции войдут в состав каждого из них, решался в строгом соответствии со специально разработанной многоступенчатой демократической процедурой, на основе свободного волеизъявления граждан. В результате страна получила 17 автономных сообществ, причем их рубежи практически нигде не совпали с границами ареалов расселения названных выше народов-этноты, но в каждом случае фактически раздробили эти ареалы на несколько частей.

Необходимо напомнить, что в рамках преобладающей в нашем обществе в настоящее время традиции у каждого из народов-этноты имеются: общее происхождение, т.е. свой особый этногенез, за которым последовали века, а то и тысячелетия неповторимой этнической истории; специфическая *национальная* культура и особый *национальный* язык; четко выраженное *национальное* (этническое) самосознание, одним из основных проявлений которого является разделяемое всеми представителями данного народа *национальное* самоназвание; *национальная* солидарность и стремление к территориально-политическому самоопределению в пределах зоны своего расселения или же, говоря современным языком, приверженность особому этническому «политическому проекту».

Так вот, вполне компактная территория проживания *каталонцев* (имеются в виду те жители страны, кто под этим названием описывается большинством отечественных авторов и ареал расселения которых четко фиксируется на «картах народов», издаваемых в России) в результате «автономизации» оказалась поделена между новосозданными автономными сообществами Каталония, Валенсия, Балеарские острова и Арагон. В Валенсии и Арагоне земли, населенные каталонцами, составляют лишь часть соответствующего автономного сообщества: в первом случае — большую, во втором — меньшую. Оставшаяся часть территории тех же автономий — это земли, где проживают «собственно испанцы». Таким образом, перед нами как раз пример ситуации, когда границы автономий проведены в соответствии с волей местных жителей, однако при этом почему-то без видимого учета языковых или этнических рубежей.

ВАЛЕНСИЙСКИЙ РЕНЕССАНС

Чтобы понять, как и почему это стало возможным, обратимся к одному из фрагментов наблюдаемой нами картины, а именно к той части каталонского этнического ареала, которая после утверждения временного (1978 г.), а затем постоянного (1983 г.) автономного статуса оказалась в составе так называемого «Автономного сообщества Валенсия» (*Comunidad Autónoma de Valencia*). Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет познакомиться с этнической ситуацией здесь за полтора-два десятилетия до вышеуказанных событий, т.е. в начале 1960-х годов. Дело в том, что именно тогда, после 20-летнего периода жесточайшего, тотального контроля над всей внутренней жизнью страны, франкистский режим впервые позволил себе (в связи с принятием нового социально-экономического курса) некоторую сравнительно скромную либерализацию, своего рода испанскую «оттепель»; стало возможным писать и говорить — разумеется, в разрешенных пределах — на некоторые темы, которые еще вчера были под запретом. И этого оказалось достаточно, чтобы здесь возникло и стало с каждым днем набирать все большую популярность движение, определяемое современниками ни много ни мало как «*Renaixença*», т.е. «Возрождение» — возрождение языковой и культурной самобытности местных жителей. Появились периодические издания, культивировавшие интерес и любовь к «малой родине», возникли общественные культурно-просветительские организации, инициировавшие бесплатные курсы «валенсийского языка», возобновившие «цветочные игры» («*Jocs Florals*», как традиционно со времен Средневековья назывались здесь популярные конкурсы на лучшие литературные произведения) и театрализованные праздники, а также поощрявшие исследования в области филологии и лингвистики на материалах «валенсийского языка» и т.д.¹ В том же духе действовали спонтанно возникшие общественные центры по изучению и распространению «валенсийской культуры»². На призыв «возрожденцев» откликнулись — с санкции вышестоящих властей — официальные учреждения и организации, включившиеся в проведение разного рода праздничных и памятных мероприятий, литературных конкурсов, театральных представлений, конференций и т.д.³

Местные журналы были переполнены публикациями о валенсийских традициях, обычаях, праздниках (вроде прославленных на весь мир «*Las Fallas*»), памятниках архитектуры (церквах, монастырях, часовнях, замках) и живописи на территории Валенсии, гербах ее городов и селений. Печатались биографии видных деятелей культуры — местных уроженцев, исторические очерки, тексты исторических документов и комментариев к ним. Все это подчинялось определенному замыслу: способствовать «формированию общественного мнения валенсийцев»⁴, тому, чтобы «нам всем (т.е. издателям и их землякам. — *А.К.*) вновь стать валенсийцами, восстановить свой особый самобытный валенсийский облик»⁵. Текст одного из обращений к читателям звучал так: «Мы, валенсийцы, не слишком представляем себе, в чем состоит наша особая сущность. Мы мало знаем, например, о наших древних государственных учреждениях, художественных сокровищах, прекрасном фольклоре, ремесленных традициях, религиозных верованиях, литературе и т.д. Все это составляет часть нас самих, и мы должны включить это в наше общественное сознание»⁶.

Впоследствии описываемые события оценивались некоторыми аналитиками как начало процесса становления «истинно национального политико-культурного сознания»⁷. При этом практически все писавшие на данную тему испанские авторы, говоря о местных жителях, употребляли термины «валенсийцы», «валенсийский народ», характерными чертами которого являются, по их мнению, «валенсийский язык», «валенсийская культура», «валенсийское самосознание» и т.д. Но мы-то никак не можем удовлетвориться этими терминами, мы нуждаемся в их объяснении! Ведь, как упоминалось выше, Автономное сообщество Валенсия возникло лишь в конце 1970-х годов, а в начале 1960-х, т.е. в рассматриваемое нами сейчас время, в официальной жизни тогдашней Испании слово «Валенсия» обозначало, во-первых, один из крупнейших и древнейших городов страны, а во-вторых, одну из пятидесяти провинций, на которые административно подразделяется Испания и центром которой является одноименный город. Какое же именно значение слов «валенсийцы», «валенсийский» и им подобных подразумевается в данном случае?

Выясняется, что Валенсия наших авторов — это не город и не провинция (если нет специального уточнения), а именно та территория, которая впоследствии, уже после кончины диктатора Франсиско Франко (1892—1975), стала автономной под тем же названием. А прежде так называлось древнее королевство, вошедшее когда-то в состав испанской короны, долгое время сохранявшее в ее рамках всевозможные вольности и привилегии, а затем лишенное каких бы то ни было особых прав да и самой административной целостности (в результате разделения в 1833 г. на три провинции: собственно Валенсию, Кастильон и Аликанте). Примечательно, что, хотя такое понимание термина «Валенсия» и производных от него было неофициальным, оно оставалось общеизвестным и широко используемым в Испании. Кроме того, для обозначения территории, о которой идет речь, в местной печати и литературе часто употребляются такие слова, как «королевство» («*tegne*»), «земля, страна» («*país*»), «регион» («*región*»), — нередко опять же с эпитетом «валенсийский».

Но если валенсийцы — суть жители региона Валенсия, состоящего из трех провинций, то как быть с тем обстоятельством, что они подразделяются на две разноязычные группы? В нашей науке этот вопрос решен однозначно: большая часть обитателей Валенсии говорит на каталанском языке, они — часть *каталонского этноса, каталонцы*; меньшая часть жителей региона испаноязычна, это — *испанцы*. Какое же в таком случае содержание вкладывают те авторы, что пишут о «валенсийцах», в этот термин?

Активисты местного «Возрождения» настойчиво повторяют, что язык — не главная отличительная черта общности, поскольку есть еще география, история, образ мышления и т.д.⁸. Они упорно утверждают приоритет региональных (областных) границ над языковыми, уверенно ставят единство всех коренных обитателей древнего королевства выше существующих между ними лингвистических различий, постоянно напоминают, что какой бы ни была «языковая подкладка» в каждом конкретном случае, перед нами всякий раз *валенсийцы*. И здесь необходимо отметить, что в ходе обсуждения этой проблематики тот язык, который мы привыкли называть «испанским», обозначается только как «кастильский» (*castellano*), а говорящие на нем — соответственно как «кастильскоязычные». Термин же «каталан-

ский» (catalán) исключительно в этой форме употребляется только для родного языка коренных жителей соседнего с Валенсией региона Каталония, а для его (языка) валенсийского варианта чаще всего используется название «валенсьяно» («valenciano»), т.е. «валенсийский», в данном случае — «валенсийский язык». Поэтому при характеристике языковой ситуации в регионе Валенсия в подавляющем большинстве случаев говорится о «валенсийскоязычных» и «кастильскоязычных» местных жителях, — а не о «каталано-» и «испаноязычных», как сказали бы мы.

Сторонники упомянутой системы взглядов называют себя «валенсианистами», «теми, кто отдает предпочтение историческим критериям, отстаивает Валенсийское королевство, родившееся в христианстве 9 сентября 1238 г.» (речь идет об отвоевании валенсийской территории у мавров в ходе Реконкисты, когда были установлены ее границы и зафиксирован полусамостоятельный статус тогда еще в составе Арагонского королевства, и вот эти границы, как утверждается, и определяют, независимо от языка, «валенсийский народ»)⁹. Своих противников, понимающих термин «валенсийцы» иначе, они называют адептами «общекаталонского единства — теми, кто сделал из языка бастион национальности и считает, что все земли *каталанского языка* (который и должен, по мнению этих людей, именно так называться и в Валенсии, и на Балеарских о-вах) составляют единое целое, так называемую Великую Каталонию»¹⁰. Нетрудно заметить, что эта вторая позиция очень напоминает трактовку этноязыковой ситуации в Испании, принятую в российской науке, а именно: единому каталанскому языку соответствует единый же говорящий на нем каталонский этнос. Действительно, ее идеологи высказываются, например, так: «Мы, валенсийцы, и другие каталонцы...», «называться валенсийцами — это наша манера называться каталонцами», «валенсийцы-каталонцы» и т.д. Для них нет никакого сомнения в том, что «валенсийский язык» — всего лишь местное название каталанского, что говорящие на нем жители области Валенсия суть прямые потомки каталонцев, в ходе Реконкисты и в дальнейшем заселявших прибрежные земли региона. Перед нами как будто ясно выраженная и хорошо нам знакомая позиция: один каталанский язык — один каталонский народ, а валенсийцы — всего лишь часть его, живущая в регионе Валенсия.

Интересно, однако, что те же авторы в иных случаях говорят о «валенсийцах каталанского языка» как о самостоятельном народе, например: «Мы — валенсийцы и не хотим потерять нашу особую сущность, перестать быть тем народом, которым являемся». Они не сомневаются, что население (*problació*) какой-то области становится народом (*proble*) лишь в результате «акта осознания», т.е. решающее значение в формировании народа они придают становлению его самосознания. В этой связи они констатируют *отсутствие «общего надрегионального названия» для всех земель, входящих в ареал распространения каталанского языка, и «общенационального наименования» (d'in pot nacional comú) для его обитателей*, тем самым подтверждая превалирование внутрорегиональной сплоченности над общеязыковой. Им очевидно, что региональные границы делят обширный и компактный массив каталаноязычного населения на самостоятельные и самобытные, хотя и «единоутробные» народы: каталонцев, валенсийцев, балеарцев.

Если так считают даже сторонники общекаталонского единства, то их оппоненты, прекрасно знающие о генетической связи «валенсьяно» с тем

языком, на котором говорят жители региона Каталония, и вовсе относятся к данному обстоятельству как к несущественному и решительно отрицают так называемый «панкаталонизм»¹¹, под которым подразумевается «включение Валенсии в Каталонию по языковому критерию»¹², взгляд на жителей Валенсии и Балеарских о-вов как на «детей каталонской цивилизации»¹³ и т.д., иначе говоря — отказ им в праве быть самостоятельными народами в пределах своих регионов. То есть они отрицают, что все, кто говорит на каталанском языке, суть каталонцы (вопреки тому, что само собой разумеется при российском подходе), а сам этот термин оставляют только для жителей региона Каталония, который иногда в память о далеком прошлом называют «Принципатом», подобно тому как Валенсию — «Королевством». Отсюда упорное подчеркивание, что Каталония, Валенсия и Балеарские о-ва — это не единый регион, но «братские регионы», а их обитатели — «братские народы»¹⁴. И, следовательно, в устах тех, кто думает таким образом, название языка — «валенсьяно» — означает не претензию на его самостоятельность, а уверенность в *самостоятельности говорящей на нем общности*.

Стремление избежать даже намека на какую-то иерархию, соподчиненность в рамках каталаноязычного ареала, но, напротив, представить этот ареал как совокупность трех равноправных компонентов отразилось в предложениях принять для бытующего там языка название, не опирающееся ни на одно из его региональных наименований: «*llengua bacadavesa*», т.е. «балеарско-каталано-валенсийский язык»¹⁵, или «окситанский язык» (*llengua occitana*)¹⁶. В любом случае это означало бы подчеркнутое ограничение термина «каталанский» границами региона Каталония.

Итак, сделав лишь первые шаги в попытке разобраться в этнической ситуации в пределах региона Валенсия, мы тут же столкнулись с различными трактовками состава ее участников, с различными представлениями о том, какие именно общности являются субъектами культурно-языковых процессов. Помня о том, что каталаноязычные валенсийцы в нашей науке трактуются как неотъемлемая часть каталонского этноса, к тому же квалифицируемого обычно как *нация*, мы были вправе ожидать здесь высокого уровня национального самосознания, не оставляющего места для сомнений в том, кто к этой нации принадлежит, однако данные, приведенные выше, заставляют усомниться в существовании подобного четкого и повсеместно распространенного самосознания. И это не позволяет по-прежнему исходить из однозначного представления о каталаноязычных валенсийцах как о всего лишь части каталонского этноса, проживающей в регионе Валенсия.

ЖЕСТКАЯ РУКА ФРАНКО

Признано, что политика авторитарного режима Франко во время и после гражданской войны (1936—1939) была направлена против интересов национальных меньшинств, в том числе и против каталонцев. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что территория нынешней автономной Валенсии, населенная, как у нас считается, по преимуществу каталонцами, не стала здесь исключением. Валенсийский автор одной из публикаций начала 1960-х годов с удовлетворением констатирует окончание эпохи, когда утверждалось, что «наш язык — это диалект кастильского, или испанского,

языка»¹⁷. Однако и на момент написания им этих строк «валенсьяно» по-прежнему не входил в обязательную школьную программу, и тем учителям, которые преподавали его малышам по несколько раз в неделю, приходилось делать это после окончания основных уроков¹⁸. Все географические названия на территории Валенсии были разрешены только в кастильской форме¹⁹.

Кастильский язык в рассматриваемое время являлся торжествующим соперником «валенсьяно», неуклонно вытесняющим его из всех областей общественной и даже частной жизни, и это наступление обеспечивалось властной поддержкой государства, установившего монополию кастильского в официальной сфере. Именно он выступает как престижный язык, как язык культуры и образованности, литературы и делопроизводства, школы и церкви. К началу «возрождения» 1960-х годов средний валенсиец практически не умел ни читать, ни правильно писать на «валенсьяно»²⁰. От него отказались не только интеллигенция и власть имущие, но и часть простого народа. Причем и в отношении оставшейся части не следовало питать иллюзий, так что было бы ошибкой считать, например, сельских жителей более приверженными родному языку из-за того, что они сохраняют его в быту: это значило лишь, что они «не имели случая отказаться от него»²¹. Есть упоминания о том, что крестьяне, говорящие на «валенсийском языке» в своем селении, за его пределами немедленно переходят на кастильский²². Очевидны непрестижность «валенсьяно» в это время, его низкий социальный и культурный статус. Многие здесь с горечью говорят о «предрассудках» в отношении «валенсьяно», которые все еще разделяет местная интеллигенция²³, о необходимости переориентировать сознание людей, убедить их, что сегодня знание и использование «валенсийского языка» вполне может считаться признаком культуры²⁴. Даже рекламное объявление о языковых курсах выглядит как эмоциональная реплика в споре с теми, кто настроен пренебрежительно: «Говорить по-валенсийски — это поистине элегантно, если говорить хорошо!». Как выясняется, многие валенсийцы из тех, чьи предки, а то и родители, говорили «по-валенсийски», теперь кастильскоязычны. «Прискорбен тот факт, что многие валенсийские молодые люди, особенно дети из обеспеченных семей городов Валенсия и Аликанте, самых крупных в регионе, не владеют валенсийским языком как родным, так как родители с детства говорят с ними по-кастильски»²⁵.

Доводы, которыми значительная часть валенсийцев объясняла неуважение к языку предков и переход или стремление перейти на кастильскую речь, таковы: диалектный и «плебейский» характер «валенсьяно», его неофициальность, малоупотребительность и несовместимость с современной культурой, а также опасение оказать дурную услугу своим детям, которые, освоив в качестве основного языка «валенсьяно», не научатся как следует гораздо более необходимому кастильскому²⁶.

Отход от родного языка может рассматриваться как одно из наиболее очевидных проявлений утраты валенсийской общностью своего лица. Главное, что особенно удручает активистов «возрождения» начала 1960-х годов, — потеря валенсийцами стремления сохранять эту самобытность облика. По мнению одного из них, у валенсийского народа «нет ясных идей относительно своей сущности»²⁷, именно поэтому он так легко отказывается от того, что составляет эту сущность: от своей традиционной культуры и своего родного языка.

Суровость языковой политики центра ощущалась на протяжении долгого времени после окончания гражданской войны. Лишь с начала 1960-х годов, когда позиция властей несколько смягчилась, на смену прежнему неприятию пришла относительная терпимость. Это позволило валенсийцам начать обсуждать вопросы, вполне сохранившие актуальность и 20 лет спустя: что же представляет собой та общность, частью которой являются они сами, — этот так называемый «валенсийский народ»? Кто они? «Испанцы из Валенсии, забытые Мадридом? Каталонцы, не любящие родственников? Беспутные валенсийцы, обуреваемые националистическими сомнениями?»²⁸. Такое состояние умов в местном обществе дало основания даже и после получения автономии говорить о нем как о «беспозвоночном» и разнородном²⁹. Вместе с тем практически все авторы, как бы по-разному, нередко едва ли не противоположным образом, они ни трактовали ситуацию, сходились на восприятии валенсийцев как *особого народа*, единого целого, сила внутреннего сцепления которого выше, чем силы, разъединяющие его составные части.

Год за годом в Валенсии продолжались жаркие дискуссии по нескольким взаимосвязанным проблемам. Не прекращался спор о названии местного языка: «каталанский» или «валенсийский»? В литературе и печати, как местной, так и центральной, употреблялись оба термина. В ходе утверждения автономного статуса Валенсии (в конце 1970-х — начале 1980-х годов) в конце концов возобладал термин «валенсьяно», который и был узаконен.

Однако спор на этом не закончился, так как для многих «валенсьяно» означало всего лишь местное название каталанского языка или же его диалекта, на котором говорят жители региона Валенсия, тогда как их идейные противники увидели здесь безусловное признание его самостоятельности. Более того, в дискуссиях стали использоваться почерпнутые из научных изысканий сведения, призванные доказать *изначальную* неродственность «валенсийского» и каталанского языков. Утверждалась языковая непрерывность «валенсьяно» от романских наречий местного населения доарабской эпохи, потомки которого под властью мусульман остались христианами или приняли ислам, но сохранили в быту и пронесли через века родную речь, которая и живет в нынешней Валенсии³⁰.

Наряду и в связи с вопросом о названии местного языка и его статусе относительно каталанского в Валенсии с 1960-х годов стали широко дебатироваться вопросы происхождения коренных валенсийцев. Кто является предками нынешних обитателей региона? Те, кто считал, что непрерывность бытования здесь «валенсьяно» соответствует непрерывной же цепочке сменявших друг друга поколений местных обитателей с незапамятных времен до наших дней, решительно отказывались признать свое происхождение от каталонцев, заселивших, как принято считать, регион в ходе Реконкисты и в последующие годы. Валенсийские антикаталонисты утверждали, что «немногочисленные и неграмотные» каталонские наемники не сумели бы заставить множество жителей вновь образованного христианского королевства отказаться от своего родного *романсе* и перейти на каталанский язык, и вообще роль пришельцев с севера, из Каталонии, в формировании населения валенсийских земель была ничтожной³¹.

Неоднородность движения за поддержание местной языковой специфики в Валенсии обозначилась еще в XIX в. В первой трети XX столетия

окончательно проявилась, с одной стороны, ориентация на общекаталанское языковое единство, и прежде всего на соседнюю Каталонию с ее достижениями в борьбе за укрепление своей культурной самобытности; с другой стороны, усилилась тенденция собственно валенсийской языковой самобытности, ориентации на тот народный язык, который сложился к этому времени в городах области и нес на себе печать как отсутствия литературной нормы, так и сильного воздействия кастильского языка. После долгих и бурных дискуссий, попыток создания каких-то особых нормативов подавляющее большинство культурных учреждений, обществ и издательств Валенсии приняли в 1932 г. орфографические нормы, представлявшие собой по сути адаптацию к местным особенностям того, что было сделано в сфере языка в соседней Каталонии³². Несколько десятилетий спустя, на новом витке истории страны, старый спор разгорелся вновь.

Итак, в ходе социально-исторических и культурно-языковых процессов в валенсийском обществе XX в. обозначились три группы, различавшиеся своими позициями в отношении языка: кастельянизированные жители Валенсии; валенсийцы, говорящие или стремящиеся говорить на языке своих предков и ориентирующиеся на лингвистическое единство всех каталаноговорящих; валенсийцы, отстаивающие самобытность своего исконного языка — и от «кастильского», и от каталанского. Вместе с тем известно, что «возрожденцы» начала 1960-х годов жаловались на пассивность «рядовых валенсийцев» в языковом вопросе, на то, что весьма основательная доля валенсийцев, если не подавляющее их большинство, не дорожила своим местным языком и не предпринимала никаких шагов для его поддержания. Отсюда постоянные апелляции к «гражданскому сознанию» земляков, стремление изменить их отношение к родной речи.

Фактором, существенно влиявшим на «языковой расклад» в Валенсии 1960-х — 1980-х годов, стало присутствие здесь мигрантов из других, кастильскоязычных частей страны, во множестве оседавших тогда на территории региона, главным образом в его прибрежной, наиболее промышленно развитой, урбанизированной и посещаемой туристами зоне — в районах традиционного расселения все тех же изначально «валенсьяноязычных» граждан. Тем самым объективно усиливались позиции тех жителей Валенсии, для которых основным образцом для подражания традиционно был Мадрид, его язык и культура. Однако с подъемом регионального движения, а затем с развитием автономного процесса стало очевидно, что прежние, откровенно промадридские ориентации ведут к полной потере влияния в региональном обществе, и тогда многие их носители взяли на вооружение подчеркнутое «валенсийство». Кастильский язык теперь не был здесь защищен мощью государственного аппарата в такой степени, как раньше, зато активность «каталонистов» расширялась и множилась. На этом фоне отмечено сближение кастильскоязычных валенсийцев со сторонниками «самостоятельного валенсьяно». Вторые всегда отстаивали свой «особый путь», «особый взгляд»; первые же почувствовали в новых условиях угрозу для своего кастельяноязычия. Обороняясь от «каталонского языкового империализма», они защищали право сохранить свой языковой облик.

После образования автономного сообщества резко возросла роль местного регионального руководства, к которому в значительной мере и перешли рычаги влияния на языковую ситуацию, на определение места каждо-

го из языков Валенсии в официальной жизни (прежде всего в делопроизводстве), в школьном деле, в средствах массовой информации.

ПОЛИТИКА БИЛИНГВИЗМА

Во второй половине 1970-х годов в регионе развернулась подготовка к внедрению билингвизма (кастильско-«валенсийского», причем последний воплощал собой каталанскую форму). С 1979—1980 гг. должна была начаться реализация принятого 23 августа 1979 г. декрета о билингвизме, но местная администрация в соответствии с политикой находившихся в то время у власти в стране правых центристов начала всячески тормозить уже подготовленные мероприятия. Совет региона по образованию требовал, чтобы специальная комиссия решила вопрос о сущности «валенсьяно», и, если он будет признан особым, независимым от каталанского языком, для внедрения декрета о билингвизме понадобится выработать новую орфографию³³. Весной 1982 г. комиссия приняла орфографические нормы, выработанные в Академии валенсийской культуры, и, по определению валенсийского филолога-«каталаниста», «не соответствующие никаким языковым и научным критериям». Эти нормы были приняты официально, вопреки многочисленным протестам огромного числа преподавателей и всевозможных научных, учебных и культурных учреждений, активно участвовавших в укреплении каталанской языковой модели. Было объявлено, что только теперь декрет о билингвизме и будет внедрен в Валенсии. При этом действительными признавались дипломы преподавателей языка, выданные как учреждениями, руководствовавшимися каталанскими нормами, так и языковыми «изоляционистами»³⁴. Возникла необычная ситуация: внедрялись одновременно две нормативные системы одного и того же языка, причем одну из них власти поощряли, а другую — тормозили. При этом вторая обладала значительно более развитой, разветвленной и авторитетной инфраструктурой, тогда как первая располагала, по имеющимся сведениям, очень небольшим числом подготовленных преподавателей.

С приходом к власти социалистов в стране (1982 г.) и в регионе Валенсия (1983 г.) обстановка стала благоприятной для «каталанистов». Новое валенсийское правительство ввело в практику обязательное обучение местному языку по нормам, принятым в 1932 г., что означало распространение на Валенсию реформы языка, разработанной в Каталонии (при этом в статуте автономной Валенсии сохранилось название «валенсийский язык»). На официальном уровне утвердилось одно из двух пониманий термина «валенсьяно» — как регионального названия для местного варианта каталанского языка; утвердился сам этот вариант, впервые за многие годы добившийся здесь реальной поддержки властей; было ясно продемонстрировано единство политических интересов носителей двух языковых тенденций: кастильской и «валенсийско-изоляционистской».

После того, как политика местных властей стала более благоприятной по отношению к каталанскому языку, его изучение быстро расширилось: в 1983 г. им было охвачено около 60% учащихся, в 1987 г. — все 100%³⁵. Однако противники нового курса продолжали бороться против «каталонского (т.е. исходящего из Каталонии. — А.К.) языкового империализма», обличать оппонентов как предателей, подкупленных Барселоной, жертв

«промывания мозгов» или в лучшем случае невежд³⁶. В местном парламенте звучали требования обеспечить права кастильскоязычных валенсийцев. Многие ассоциации родителей школьников выступили против обучения их детей, как они заявляли, каталанскому, а не валенсийскому, языку, да еще в ущерб кастельяно. Они настаивали на признании за ними права обучения своих детей на том языке, на каком они хотят³⁷. Некоторые политические организации оспаривали введение двуязычного обучения в Валенсийском университете, видя здесь опять же «протаскивание» каталанского языка на место, предназначенное для истинного «валенсьяно»³⁸. Немедленную реакцию вызывал любой случай пренебрежения термином «валенсьяно» для обозначения языка некастильскоязычных валенсийцев, употребления вместо него названия «каталán» (т.е. каталанский)³⁹. Характерно требование переводить утренние новости, передаваемые на Валенсию по центральному радио, на «валенсийский язык», подобно тому как они переводятся на каталанский, баскский и галисийский языки в соответствующих регионах, и т.д.⁴⁰.

Примечателен эпизод с выступлением в городе Валенсия американского профессора Дэвида Розенталя, переводчика на английский язык произведений средневекового валенсийского поэта Жуанота Мартуреля. Едва он произнес, что Мартурель писал по-каталански, из зала на сцену выбежали «валенсианисты», которые развернули плакат, гласивший, что «Тирант Белый» (классическое произведение Мартуреля, обессмертившее его имя) написан на валенсийском, а вовсе не на каталанском языке!⁴¹.

Теперь обратимся непосредственно к самосознанию жителей Валенсии, начав с тех его вариантов, которые включают местных жителей в более широкую общность. Прежде всего речь идет о концепции единой «испанской нации» (она же «испанский народ»), включающей всех граждан страны. Вопреки расхожему мнению данную концепцию исповедовали как аксиому официальные власти страны не только в эпоху Франко, с которой ее нередко связывают, но и в предшествовавшие ей времена — равно как и в последующие, вплоть до нынешних. Она присутствует в качестве одного из основных постулатов в ныне действующей либерально-демократической Конституции Испании. Но и испанское общество в своем подавляющем большинстве и вне зависимости от политических ориентаций входящих в него групп и сегментов всегда ощущало и отстаивало «политическое, национальное, социальное и духовное единство» всего населения страны. Так, валенсийские авторы, отнюдь не официозных взглядов, неоднократно пишут об «испанцах» как о «национальной общности», добавляя, что собственные язык, обычаи и традиции ничуть не мешают жителям региона Валенсия быть испанцами. По их убеждению, «валенсианство» не противоречит «испанизму», так как *одно включает другое*⁴². Характерны высказывания типа: «Мы, валенсийцы, — двуязычный народ, используем и любим как «валенсьяно», так и «кастельяно»; мы — и валенсийцы, и испанцы»⁴³, — и лозунги на плакатах во время манифестаций: «Испанцы — все, каталонцы — в Каталонии, в Валенсии — валенсийцы!»⁴⁴. В прессе можно встретить упоминание о «двух испанских языках» — «кастильском» и «валенсийском»⁴⁵, означающее, что языки всех групп населения, входящих в испанскую общность (в вышеприведенном смысле), трактуются как *испанские*. Очевидно, что при таком подходе, отвечающем вековой местной традиции, категории «испанцы» и «валенсийцы» не противоречат одна

другой, а соотносятся как два разных уровня одной и той же иерархической территориально-исторической системы и лишены этнического содержания.

«АГЕНТЫ КАТАЛОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА»

Еще один вариант самосознания, согласно которому валенсийцы составляют часть какой-то более широкой общности, соответствует нашим привычным представлениям о говорящем по-каталански местном населении как о живущих здесь *каталонцах*. Именно людей, настроенных таким образом, их земляки-оппоненты и называют «агентами каталонского империализма». Они активизировали свою деятельность в середине 1970-х годов — в один из кульминационных моментов истории страны. В основе их самосознания лежит представление о национальной общности тех, кто говорит на каталанском языке, где бы они ни жили; они убеждены, что земли обитания этих каталаноговорящих имеют право претендовать на политическую самостоятельность. Они осознанно отделяют себя от всего «испанского» и тем самым устраняют один из возможных уровней самоотождествления — «общеиспанский», не желая ни в какой мере чувствовать себя «испанцами». Для них это другой мир, другая страна. Отказываясь признавать любые отличия каталаноязычных валенсийцев от коренных обитателей Каталонии, они видят в них во всех единый народ, а земли их обитания рассматривают как части так называемой «Великой Каталонии», идея которой возникла еще в XIX в., но по-настоящему обрела силу лишь в 1960—1970-е годы⁴⁶.

Однако даже те валенсийцы, которые признают генетическое и языковое единство всех каталаноговорящих жителей Испании и других стран, считают вышеприведенные взгляды недопустимой крайностью⁴⁷. Подавляющее большинство местных авторов уверенно ставят на первое место в самоидентификации общность по региону, одновременно констатируя большую, а иногда и преобладающее значение еще более низких уровней. Сообщается, что в валенсийской провинции Аликанте к 1960-м годам сложилось такое ощущение провинциальной исключительности, которое дает основания говорить о подлинном «аликантинизме» — т.е. об ощущении себя прежде всего «жителями Аликанте». В северной провинции (Кастельон), расположенной на границе с Каталонией, такого рода чувства выражены в гораздо меньшей степени. А третья, «срединная», столичная провинция, одноименная с регионом в целом, постоянно претендует на то, чтобы быть воплощением всего региона, при этом забывая об остальных или пренебрегая ими, что вызывает недовольство и раздражение многих обитателей двух других провинций.

Наконец, в местной валенсийской печати встречались любопытные описания того, как мигранты из других частей Испании становятся «валенсийцами по адопции». Так, один из «новых валенсийцев», родом из Астурии, приобрел известность и признательность окружающих активной пропагандой «валенсийского языка», вплоть до того, что на церемонии крещения своего ребенка демонстративно обратился к священнику с просьбой говорить «по-валенсийски», а не по-кастильски⁴⁸.

Сопоставляя варианты самосознания валенсийцев с языковыми параметрами, мы получаем следующий ряд категорий местных жителей:

— каталаноязычные (т.е. признающие свой родной язык «каталанским»), выступающие за интеграцию с другими «каталанскими землями», но при сохранении «своего регионального лица»;

— каталаноязычные, пренебрегающие своим историко-генетическим родством с населением других «каталанских земель» и настаивающие на полной самостоятельности «валенсийского народа»;

— «валенсьяноязычные» (отказывающиеся признавать свой язык «каталанским» или его диалектом), стремящиеся утвердить совершенно особые культурно-языковые модели своего региона;

— кастильскоязычные, желающие сохранить свой языковой облик (т.е. свое право пользоваться только кастильским языком) под тем же предлогом региональной специфики («так исторически сложилось, и нечего навязывать нам каталонский империализм»);

— кастильскоязычные, стремящиеся вернуться к языку предков — «каталановаленсийскому», и т.д.

Во всех названных случаях речь идет об осознанной позиции, о заинтересованности людей в совершенно определенной специфике той общности, к которой они, по их мнению, принадлежат. А ведь есть, насколько можно судить, еще и позиция равнодушия, незаинтересованности, за которой стоит жизнь без этнических стимулов и ориентаций, без какой-либо сознательной этноцентристской корректировки своего, данного судьбой культурно-языкового облика. Кроме того, ситуация постоянно меняется под воздействием различных факторов, прежде всего политического.

Таким образом, подобно тому как самосознание индивида в Валенсии не свидетельствует однозначно о языке, на котором тот говорит, так и его родной язык отнюдь не означает той или иной формы самосознания.

Любопытно, в чем видит свою специфику сам «валенсийский народ». Один из соцопросов 1970-х—1980-х годов показал, что свой язык воспринимают как важную отличительную черту своей региональной общности лишь 39% валенсийцев⁴⁹, обычаи — 38%, фольклор — 15%, а большинство (57%) высказалось за климатические условия своего обитания⁵⁰. Тогда же на вопрос: «Кем вы считаете себя, находясь в другой части Испании?», 53% жителей региона сказали, что «валенсийцами», еще 27% «определились» по родной (одной из трех составляющих Валенсии) провинции, а прочие 20% по большей части отождествили себя со своей муниципией или комаркой⁵¹. За границей подавляющее большинство уроженцев региона называют себя «испанцами».

Примечательны ответы «валенсийцев» на вопрос об их симпатиях к другим регионам и их жителям. На первом месте здесь оказались Андалузия и «андалузийцы», а Каталония с «каталонцами» — только на третьем, Балеары и «балеарцы» — лишь на пятом и четвертом соответственно⁵². Таким образом, «родственники» по языку и происхождению уступили место кастильскоязычным «чужакам». Равным образом мы не имеем каких-либо сведений о желании обитателей кастильскоязычных западных районов Валенсии (по нашим исходным представлениям — «собственно испанцев») отделиться от каталаноязычной зоны и войти в состав «родственных» соседних регионов. И здесь население Валенсии ставит региональные границы выше языковых, этнических или каких-либо иных.

Итак, познакомившись с самосознанием жителей Валенсии, мы увидели картину, не соответствующую ожидаемому нами четкому изображению двух соседствующих «народов-этносов», ясно осознающих существующую между ними разницу. Выяснилось, что относительно разграничения на «своих» и «чужих» в пределах региона существует большое разнообразие мнений. При этом «своими» для подавляющего большинства жителей Валенсии являются те, кто происходит из одной с ними местности, считая как регион в целом, так и (по нисходящей) провинцию, комарку и муниципию. Какая-то из этих «территориальных» совокупностей населения и осознается на уровне, заданном конкретной ситуацией, как общность, как «свой народ», к которому прежде всего и принадлежит любой данный индивид. Принцип, лежащий в основе такого самоопределения, может быть назван «земляческим» или «областническим». В соответствии с ним родство по языку и происхождение от общих предков, говоривших на этом языке, не имеет того решающего значения, которое на основании нашего исторического опыта кажется нам естественным.

Тех, кто определяет себя как «испанцев», подразумевая единство всех граждан своего государства, относительно немного — не более нескольких процентов. Ничтожно мало в Валенсии также и тех, кто видит в каталаноязычных валенсийцах часть «каталонского народа». Зато весьма популярна здесь такая формула: «Валенсиец — это тот, кто живет и работает в трех провинциях региона Валенсия; одни из нас говорят по-каталански, другие — по-кастильски»⁵³.

Впрочем, продолжая отстаивать концепцию совместного проживания на территории Валенсии «испанцев» и «каталонцев», можно трактовать местные реалии и таким образом, что объективное содержание этнических различий, подлинная этническая принадлежность в силу каких-то обстоятельств просто не осознаются значительной частью населения региона — а только местной «элитой», численно небольшой группой, которая, однако, как бы концентрирует в себе этническую суть своего народа, его «этническое начало». Очевидно, однако, что при таком подходе этническому самосознанию отводится второстепенная, подчиненная — по сравнению с объективными показателями — роль. Оно не рассматривается как интегратор всех прочих признаков, как индикатор, объективно указывающий на реальное этническое состояние данной общности (наличие или отсутствие «этничности», ее уровень, форму). Нам же представляется, что валенсийский материал подтверждает трактовку самосознания как показателя объективно существующего этнического состояния, как, впрочем, и его становления, трансформации или отсутствия, что и наблюдается в данном случае.

В заключение напомним, что в ходе становления Автономного сообщества Валенсия население этого региона изъявило желание провозгласить себя «национальностью» (*nacionalidad*), что и зафиксировано в официальном тексте автономного статута⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Valencia Cultural, 1963, N 35/36, p. 19.

² Valencia Cultural, 1960, N 5, p. 3.

³ Valencia Cultural, 1960, N 4, p. 3.

⁴ Valencia Cultural, 1960, N 1, p. 3.

⁵ Valencia Cultural, 1960, N 4, p. 3.

⁶ Ibidem.

- ⁷ P. S i s é. Raons d'identitat del País Valencià. Valencia, 1977, p. 99.
- ⁸ Valencia Cultural, 1962, N 33/34, p. 20.
- ⁹ Valencia Cultural, 1963, N 35/36, p. 3.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Valencia Cultural, 1964, N 45/46, p. 17.
- ¹² Valencia Cultural, 1965, N 35/36, p. 23.
- ¹³ Valencia Cultural, 1964, N 45/46, p. 17.
- ¹⁴ Valencia Cultural, 1961, N 17, p. 3.
- ¹⁵ Ibid., p. 20.
- ¹⁶ Valencia Cultural, 1964, N 45/46, p. 17.
- ¹⁷ Valencia Cultural, 1961, N 18, p. 4.
- ¹⁸ Valencia Cultural, 1961, N 17, p. 6.
- ¹⁹ Valencia Cultural, 1961, N 18, p. 3.
- ²⁰ Valencia Cultural, 1961, N 14, p. 28.
- ²¹ Valencia Cultural, 1961, N 9, p. 3.
- ²² Valencia Cultural, 1960, N 4, p. 12.
- ²³ Ibid., p. 3.
- ²⁴ Valencia Cultural, 1960, N 5, p. 3.
- ²⁵ M. S a n c h i s G u a r n e r. La llengua dels valencians. Valencia, 1980, p. 11.
- ²⁶ Ibid., p. 12.
- ²⁷ Valencia Cultural, 1960, N 4, p. 3.
- ²⁸ Cambio 16, 1987, N 836, p. 56.
- ²⁹ Cambio 16, 1988, N 842, p. 9.
- ³⁰ P. S i s é. Op. cit., p. 17—18.
- ³¹ Cambio 16, 1987, N 831, p. 10.
- ³² M. S a n c h i s G u a r n e r. Op. cit., p. 60.
- ³³ Ibid., p. 244.
- ³⁴ Ibid., p. 245.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ Cambio 16, 1987, N 837, p. 10.
- ³⁷ Cambio 16, 1987, N 822, p. 7.
- ³⁸ Cambio 16, 1987, N 788, p. 10.
- ³⁹ Cambio 16, 1986, N 751, p. 16.
- ⁴⁰ Cambio 16, 1986, N 780, p. 10.
- ⁴¹ Cambio 16, 1987, N 836, p. 59.
- ⁴² Valencia Cultural, 1960, N 7, p. 5.
- ⁴³ Cambio 16, 1986, N 787, p. 11.
- ⁴⁴ Cambio 16, 1987, N 836, p. 61.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ J. M. C o l o m e r. Cataluña como cuestión de estado. Madrid, 1986, p. 162.
- ⁴⁷ Ibid., p. 169.
- ⁴⁸ Valencia Cultural, 1961, N 4, p. 22.
- ⁴⁹ Ibid., p. 48.
- ⁵⁰ M. G a r c í a F e r r a n d o. Regionalismo y autonomía en España. 1976—1979. Madrid, 1982, p. 541.
- ⁵¹ Ibid., p. 47.
- ⁵² Ibid., p. 546.
- ⁵³ J. M. C o l o m e r. Op. cit., p. 169.
- ⁵⁴ О том содержании, которое в Испании вкладывается в этот термин, см.: А. Н. К о ж а - н о в с к и й. Так есть ли в Испании «национальные меньшинства»? — Латинская Америка, 2009, № 5, с. 79.